

Феномен тахарруш как коллективное сексуальное насилие

ЕЛЕНА РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

Профессор, кафедра анализа социальных институтов, департамент социологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); ведущий научный сотрудник, сектор исследования социальных изменений качественными методами, Институт социологии ФНИСЦ РАН. Адрес: 101990, Москва, ул. Мясницкая, 9/11.
E-mail: erozhdestvenskaya@hse.ru.

Ключевые слова: сексуализированное насилие; тахарруш; публичность; инструментализация насилия; борьба за власть; запад-восток.

В статье анализируется феномен коллективного сексуального насилия, ярко проявившийся за последние несколько лет в Германии в связи наплывом беженцев и мигрантов. В поисках объяснения этого феномена как экспорта гендеризованных форм насилия автор исследует его истоки в форме вторичного анализа данных мониторинга, отслеживая эскалацию и разрывы в практике применения сексуализированного насилия, сопряженного с политической борьбой во время двух египетских революций. Интерсекциональность гендера, этничности, социальных проблем и кризиса власти, рассмотренные в ряде исследований в режиме мониторинга, свидетельствуют о приписании политических значений в сексуализированное насилие или об инструментализации сексуального насилия политическими силами в борьбе за власть. Именно в этом контексте складывается практика коллективного сексуального насилия под названием «тахарруш» и его легитимация в дискурсивном пространстве арабской современной культуры.

За десятилетие практика тахарруш прямо и косвенно (через дискурсивные легитимации) способствовала маскулинной социализации молодых поколений арабских мужчин. Этот тип маскулинной социализации выстроен на определенных социальных нормах, оправдывающих применение насилия в отношении «преступивших» моральные и религиозные границы женщин, а также сопряжен с перформативностью насильственного потенциала в публичном пространстве. Опыт участия на Тахрире как символическое достижение гегемонной мужественности позволил компенсировать лакуны мужественности тем, кто испытывал экономическую депривацию вследствие безработицы, и тем самым восстанавливал мужские иерархии. Пересборка феномена тахарруш в ином, уже западном контексте эмиграции может объясняться не только длящейся экономической, социальной, психологической и сексуальной депривацией беженцев из арабского мира, но также социализацией через соответствующие прямые и косвенные практики.

Рис. 1. Граффити в Каире (фото Сорайи Мороеф¹).

Хроника событий

В НОВОГОДНЮЮ ночь 2016 года жители Кёльна стали свидетелями десятков коллективных сексуальных домогательств и нападений на женщин. Менее масштабные инциденты были зарегистрированы в других немецких городах (Гамбург и Штутгарт): в целом, как сообщается, в Германии пострадало более тысячи человек². Впоследствии многочисленные СМИ цитировали источники в полиции, описывая предполагаемых преступников как мужчин «арабской или североафриканской внешности», или «ближневосточной внешности», или как выходцев из «Марокко, Алжира и Туниса». Хотя первоначаль-

1. Kirollos M. Sexual Violence in Egypt: Myths and Realities // Jadaliyya. 16.07.2013. URL: <http://jadaliyya.com/Details/29110>.
2. Jäger wirft Kölner Polizei gravierende Fehler vor // Zeit Online. 11.01.2016. URL: <http://www.zeit.de/politik/deutschland/2016-01/uebergriffe-koeln-silvesternacht-ralf-jaeger-nrw-innenminister>.

но немецкие власти не желали клеймить определенные этнические группы и предпочитали затушевывать религиозные и этнические различия, эти случаи сексуализированных нападений приписывались мигрантам и беженцам из стран Ближнего Востока и Северной Африки. Зачастую уравнивались те, кто обосновался в Германии раньше, и спасающиеся от военных конфликтов. Социальный страх перед растущим числом беженцев, репрезентируемых СМИ как массовых сексуальных агрессоров, привел к общественным протестам: 5 января 2016 года около трехсот человек вышли на улицы с плакатами, критиковавшими канцлера Германии Ангелу Меркель: «Госпожа Меркель, где ты? О чем ты говоришь? Это страшно». А к 7–8 января 2016 года многочисленные сообщения об аналогичных сексуальных посягательствах появились уже в местных и международных СМИ Швеции, Швейцарии, Австрии и Финляндии. В результате феномен массовых сексуальных домогательств был представлен как общеевропейский. И уже 9 января в демонстрации протеста, организованной ПЕГИДА (правым движением Патриотические европейцы против исламизации Запада, *Patriotische Europäer gegen die Islamisierung des Abendlandes*, PEGIDA), приняли участие около 1700 человек, которые держали плакаты с такими лозунгами, как «Беженцы-насилыники (*Rapefugees*) не приветствуются».

10 февраля 2016 года кёльнский прокурор³ упомянул о национальности подозреваемых в сексуализированных атаках под Новый год. Среди них было 25 алжирцев, 21 марокканец, трое тунисцев, трое немцев, двое сирийцев, иракец, ливиец, иранец и черногорец. Арест подозреваемых североафриканского происхождения на первых порах подтверждал предположение СМИ об основных виновниках нападений, хотя подавляющее большинство из них не являются беженцами из мест военных конфликтов в Сирии и Ираке и значительно варьируются по национальному происхождению. Тем не менее был поднят важный вопрос о практике расового и этнического профилирования в следственных процедурах, в результате которых эти 58 задержанных из кёльнского пула (общее их число — более тысячи) были идентифицированы и ранжированы. Соответственно, на авансцену медийного дискурса, избегающего глубокого контекстуального анализа сексуального насилия и дискриминации, вышла расистская риторика, облег-

3. Tomlinson S. German prosecutors dismiss reports that only three of the 73 Cologne New Year sex attack suspects are “refugees” as “total nonsense” — saying most WERE migrants // Daily Mail. 15.02.2016. URL: <http://dailymail.ai/1Xt6xjf>.

чающая эссенциалистское приписывание сексуальных отклонений этим этническим группам⁴. Таким образом, с 10 января 2016 года многие европейские СМИ инструментализировали феномен новогодних нападений в Кёльне, увязав его с понятием *taharrush* (на арабском — «групповое домогательство»), чтобы установить связь между этими атаками и коллективными сексуальными нападениями на протестующих женщин в Египте, происходившими с 2011 года. Термин «тахарруш», широко используемый западными СМИ и немецкими властями, обозначает практику коллективного сексуального насилия, укорененную на Ближнем Востоке и в Северной Африке и, следовательно, культурно чуждую немецкой и европейской культуре. Соединив Кёльн с Каиром именно таким образом, средства массовой информации смогли оправдать использование расистских аргументов против продолжающегося приема мигрантов и беженцев, прибывающих в Европу, снабдив ими как умеренно правых, так и правых экстремистов.

Дальнейшее развитие этого сюжета в статье преследует цель показать, как же в действительности, реконструированной в исследованиях, складывался феномен тахарруш и каким образом во время «арабской весны» социальное насилие в египетском социокультурном контексте переросло в политизированное сексуализированное насилие, которое имеет объяснение *in situ*. Наконец, мы попытаемся ответить на вопрос, что меняется, когда носители практик тахарруш осуществляют «пересборку» этого феномена в ином политико-культурном контексте и другом качестве маскулинной толпы.

Что такое тахарруш?

Taharrush gamea является орфографической ошибкой транскрипции египетского произношения арабской фразы *تحرش جماعي* *taharruṣ jamāʿiyy* (*taharrush Jinsi*), буквально означающей «групповые (*jamāʿiyy*) домогательства (*taharruṣ*)»⁵. Термин отсылает к связан-

4. Abdelmonem A. et al. The “Taharrush” Connection: Xenophobia, Islamophobia and Sexual Violence in Germany and Beyond // Closer. An Anthropology of Muslims in Europe. 12.03.2016. URL: <https://religionresearch.org/closer/2016/03/12/the-taharrush-connection-xenophobia-islamophobia-and-sexual-violence-in-germany-and-beyond>.

5. Abdelmonem A. Reconceptualizing Sexual Harassment in Egypt: A Longitudinal Assessment of el-Taharrush el-Ginsy in Arabic Online Forums and Anti-Sexual Harassment Activism // Kohl: A Journal for Body and Gender Research. 2015. Vol. 1. № 1. P. 23–41.

ным с сексуальными домогательствами событиям в Египте, происходившим во время праздников Ид аль-Адха в 2006 и последующих годах. Индивидуальное сексуальное насилие в Египте существует издавна, как и в других странах, но во время исламского праздника Ид аль-Адха в 2006 году было зафиксировано новое беспрецедентное явление: толпа молодых людей совершала массовые сексуальные домогательства после киносеанса. Они окружили несколько молодых женщин, раздели их и пенетрировали руками. Это событие было заснято на видео и широко обсуждалось в интернете, но осуждения блогеров было недостаточно, чтобы предотвратить его повторение в 2008 году. Однако Центр по правам женщин распространил в СМИ мнение, согласно которому такие события вовсе не беспрецедентны, а, напротив, все чаще и чаще происходят в Египте. То есть латентный уровень сексуализированного насилия в стране за счет ресурсов медиатизации обозначился и дискурсивно оформился как существенная социальная проблема.

Дискурс сексуальных домогательств в Египте нуждается в пояснении вследствие своего контекстуального своеобразия. Как традиционно табуированная в арабском мире тема, сексуальные домогательства и сексуальное насилие не обсуждались открыто и не упоминались в публичном дискурсе до начала 2000-х годов. Предпринятый социолингвистический анализ⁶ показывает, что этот термин не часто появлялся в египетских газетах на арабском языке до 2006 года, а в этих случаях употреблялся только в отношении скандалов с иностранцами и редко — в отношении случаев с египтянами. Египетский центр по правам женщин опубликовал результаты исследования, в течение трех лет проводившегося при поддержке Фонда ООН по народонаселению и Европейской комиссии, в котором была предпринята попытка количественно оценить сексуальные домогательства и изнасилования в Египте, а также изучить потенциальные причинно-следственные факторы и рассмотреть их влияние на социальное, политическое и экономическое развитие Египта⁷. Исследование было построено на выборке из 1010 взрослых египтян обоего пола с дополнительной выборкой из 109 иностранных жительниц Египта. Анкета для жен-

6. Peoples F. M. Street Harassment in Cairo: A Symptom of Disintegrating Social Structures // *The African Anthropologist*. 2008. Vol. 15. № 1–2. P. 4.

7. Hassan R. M. et al. "Clouds in Egypt's Sky": Sexual Harassment: From Verbal Harassment to Rape: A Sociological Study. Cairo: The Egyptian Center for Women's Rights, 2008.

щин содержала вопросы о частоте, интенсивности и локализации сексуальных домогательств, а также о реакциях и последующих переживаниях. Мужчинам задавались вопросы об их опыте домогательств и оценке таких действий как насильственных. Также им было предложено определить частоту, локализацию и мотивы такого поведения.

Результаты этого исследования выявили неоспоримую распространенность сексуальных домогательств: 83% египетских женщин-респонденток и 98% иностранных жительниц сообщили о регулярных сексуальных домогательствах, из которых более 90% происходят на улице, в общественном транспорте или в других публичных местах. Результаты исследования также опровергли широко распространенное мнение, что консервативная одежда и/или исламский хиджаб предотвращают нападения: 72% респонденток, указавших на пережитое сексуальное домогательство, носили хиджаб или ультраконсервативный никаб; следовательно, факты домогательств не связаны с тем, как женщины одеты. Результаты опроса мужчин были не менее поразительны: 62% признались, что совершали акты сексуального домогательства в отношении женщин в общественных местах практически ежедневно, причем большинство респондентов оправдывали свое поведение несоблюдением приличий со стороны женщин, будь то одежда или манеры. Примечательно, что большинство опрошенных как мужчин, так и женщин сообщили, что они регулярно становились свидетелями актов сексуальных домогательств в общественных местах, но почти никогда не пытались вмешаться и защитить жертв. Эта изолированность жертв сопровождается и недоверием к полиции: 90% египетских респонденток, подвергшихся сексуальным домогательствам, сообщили, что не обращались за помощью к полиции или кому-то еще, потому что они боялись повредить своей репутации и столкнуться с негативной реакцией окружающих. Беспокойство из-за неблагоприятных социальных последствий как для женщины-жертвы, так и для ее семьи является во всех источниках по проблеме сексуальных домогательств в Египте.

Помимо данных этого исследования, всколыхнувшего общественное мнение, упоминания достойна также деятельность египетских неправительственных организаций, примером которой стал медийный проект «Карта домогательств» (*Harassmap*)⁸. Созданная в 2010 году группой активистов-добровольцев, *Harassmap*

8. См. URL: <http://harassmap.org/en>.

является социальной инициативой СМИ и направлена на борьбу с сексуальными домогательствами, обеспечивая для их жертвы возможность не только получить помощь и поддержку, но и поделиться своим опытом, распространить информацию во всех слоях общества с целью последующего упреждения. Жертвы сексуального домогательства могут сообщать о таких случаях с помощью текстовых сообщений на веб-сайте, который затем локализует и описывает характер инцидента на онлайн-карте Каира. Сайт *Harassmap*, английский подзаголовок которого говорит о «конце социальной приемлемости сексуальных домогательств», также содержит ссылки на местные неправительственные организации, которые предлагают жертвам консультации, а также советы по самообороне и подробную информацию о том, как подать официальную жалобу в отделение полиции. У проекта есть собственный блог, в котором публикуются новости и советы протестующим, пострадавшим от сексуализированного насилия. Существенно выросло число волонтеров этого проекта — с семи в начале до более чем 300 добровольцев. Возрос и объем трафика. Основатели *Harassmap* приняли участие в ряде египетских ток-шоу, чтобы распространить информацию о своей деятельности. Все это свидетельствует о появлении и укреплении в египетском обществе дискурса противодействия сексуализированному насилию, а также о переводе этой ранее табуированной темы из разряда частных в публичную сферу⁹.

Социальный успех *Harassmap* отражает растущую роль технологии в переводе темы сексуальных домогательств в публичную сферу, а также ориентацию на типаж образованной, технически и социально компетентной молодежи, вовлеченной в революцию 25 января, с возросшими социально-эмансипаторными запросами. Ведь деятельность как Центра по правам, так и команды *Harassmap* направлена не только на работу с гипермаскулинными установками домогателей, но и на преодоление ограничений патриархатного женского сознания. Пострадавшие женщины признавались в том, что их страх говорить открыто о сексуальных домогательствах, делиться своим личным опытом жертвы связан с тем, что публичное обсуждение может безвозвратно разрушить их репутацию среди друзей и членов семьи и даже негативно повлиять на их возможную карьеру и семейные перспективы.

9. Anderson K. E. Sexual Harassment Discourse in Egypt: A Sociolinguistic Analysis. MA thesis. The University of Texas at Austin, 2012. P. 8.

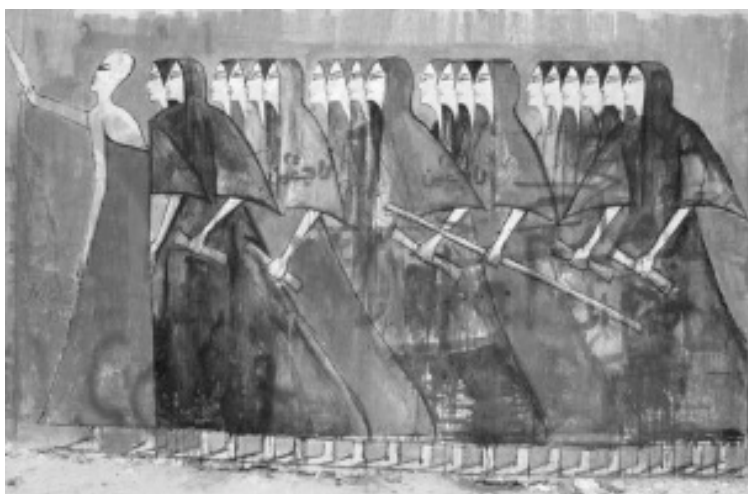

Рис. 2¹⁰.

Эти страхи отчасти связаны с бытующими в египетском обществе представлениями, согласно которым девушки, подвергшиеся сексуальным домогательствам, в некотором роде соблазнили или провоцировали домогателя своим поведением. С этой точки зрения вина почти всегда возлагается на жертву, которая заслуживает преследований за ее выбор одежды, походку, выражение лица или даже за то, что она пренебрегла безопасностью дома и вышла в публичное место, — вплоть до утверждений, что, просто выходя из дома, женщина предлагает себя мужчинам, с которыми разделяет публичные пространства. К этим стереотипам примыкают и другие мнения из популярного дискурса, который изображает мужчин в качестве жертв сексуальной репрессии, политической импотенции и депрессивных экономических условий. Такая точка зрения оправдывает сексуальные домогательства как выход для разочарованных мужчин, которые не могут контролировать себя в условиях неадекватного женского поведения.

10. Иллюстративный материал взят из статьи «Женщины в граффити: подношение женщинам Египта» (Women in Graffiti: A Tribute to the Women of Egypt// *Suzee In the City*. 07.01.2013. URL: <https://suzeeinthecity.wordpress.com/2013/01/07/women-in-graffiti-a-tribute-to-the-women-of-egypt>).

Семантика термина *taḥarrush Jinsi*

Еще больше осложняет понимание тот факт, что в египетском обществе определение сексуального домогательства весьма непрозрачно как лексически, так и концептуально. Да и возможно ли применение европейской шкалы прав человека к сугубо патриархатным североафриканским нормам, например к традиции женского обрезания (инфибуляции)? Эти вопросы порождают социокультурные дилеммы — правозащитная деятельность защищает от произвола патриархатной культуры, но затрудняет этническую идентификацию, построенную на соблюдении норм и обычаев.

Дефиниции формируются за счет академических исследований и работы правозащитных женских организаций и потому могут отличаться от разделяемых общественным мнением понятий о том, что такое сексуальное домогательство как стиль поведения и как его надлежит оценивать. Не удивительно поэтому, что определения, используемые в академических исследованиях, Египетским центром прав человека и сайтом *Harassmap*, основываются на «западной» концепции сексуальных домогательств, которая поименовывает, дифференцирует и классифицирует широкий спектр поведения под зонтичным термином сексуальных домогательств. В английской версии своего исследования, например, центр определяет этот феномен следующим образом:

...намеренное сексуальное поведение домогателя против воли жертвы, которое приводит к сексуальному, физическому или психологическому насилию над жертвой и может включать такие формы поведения, как взгляды, жесты, предложение совершения полового акта, расспрашивание частного и сексуального характера, показ сексуальных фотографий или картинок, нежелательные прикосновения и т. д.¹¹

Арабская версия является почти прямым переводом этого определения. Сайт *Harassmap* и Каирская школа социальных наук прибегают к аналогичным дефинициям. Но сложность контекстуального понимания сексуальных домогательств в Египте связана с неоднозначностью того, что представляет собой сексуальное домогательство в арабском языке¹². Термин *taḥarrush Jinsi* наиболее часто используется в арабских средствах массовой информации. В повсе-

11. What is Sexual Harassment// Harassmap. URL: <https://harassmap.org/what-sexual-harassment>.

12. Abdelmonem A. Op. cit. P. 24.

дневном языке *taharrush* является существительным, производным от глагола *taharrasha* со словарным значением «начать ссору» или «провоцировать». *Jinsi* — это прилагательное, производное от *Jins*, что означает пол. Исторически корень *harasha* имеет коннотации с поведением животных, обозначая «царапать» как действие агрессивного животного. По-русски перевод ближе по смыслу к слову «задирать». В обыденном словоупотреблении в арабском языке есть еще несколько значений, которые близки по смыслу, но имеют не только отрицательные коннотации. Слово *mu'akasa* связано с понятиями «нарушения», «приставания» или «досады» в классических словарях и в повседневном контексте может иметь более безобидные коннотации, такие как «заигрывание», «дразнение» или даже «комплимент». Близкое по смыслу словоупотребление *başbaş* уже несет смыслы «освистывать», «издеваться» или «глазеть». Кроме выражений, характерных для повседневной речи, есть и понятия, которые участвуют в строгом юридическом обращении, например *hatk l-'ird* (от *hatk* — «позор» или «деградация», *ird* — связь с честью или достоинством), и используются в египетском уголовном кодексе для обозначения акта сексуального насилия. Молодой человек может расценивать свой комментарий (*mu'akasa*) в адрес женщины на улице как безобидный флирт или доброжелательный комплимент, в то время как девушка может интерпретировать его как комплимент, раздражение или хищное посягательство на ее право идти без сопровождения. Более того, мужчина может оправдывать свой сексуализированный комментарий, чтобы утвердить свою личную интерпретацию общественного порядка.

Этот краткий экскурс в лингвистику, предпринятый по примеру Анджи Абдельмонема, приведен для констатации того, что в повседневном арабском языке смыслы, связанные с понятием домогательства, размыты. Таким образом, термин *taharrush Jinsi* представляет собой пример лингвистического творчества СМИ — попытку в отсутствие адекватных словоупотреблений не переводить с английского, а найти аналог в локальной языковой практике для поведенческого феномена «сексуальных домогательств». И лишь длительные усилия упомянутых правозащитных организаций способствовали тому, что термин «тахарруш» в дискурсивном пространстве приобрел правозащитные коннотации со встроенной оценочной структурой (концепцией прав человека). По мнению Мариз Тадрос,

в конечном счете сексуальные домогательства неразрывно связаны с идеей власти: власти (или ее отсутствия) человека над

своим собственным телом, власти внедряться в чужое личное пространство и власти защитить себя. Сила домогателя — в физическом и психологическом насилии, сила жертвы — в мести. Сексуальные домогательства стали еще одним символом конфликта, в котором находится египетское общество¹³.

От социального к политизированному насилию: женщины в толпе мужчин

Феномен сексуальных домогательств в египетском контексте приобрел новые смыслы в результате политических акций протеста в Каире в период с января 2011 года по август 2013 года. Мониторинг ситуации с домогательствами осуществляла группа египетских социологов и правозащитников¹⁴. За это время было зафиксировано более 700 случаев сексуальных домогательств, которые включали различные действия: от ошупывания до изнасилования острыми предметами. Брутальность и частота этого феномена возросли и достигали пика дважды в новейшей египетской истории: 1) после 25 января 2011 года, революционной ситуации и свержения 30-летней диктатуры Хосни Мубарака; 2) в июне 2013 года, после низложения режима Мурси, избранного президента и лидера партии «Братьев-мусульман». Эти социально-политические разрывы в египетском обществе видоизменили модели сексуального домогательства, как полагают исследователи. Прежде всего они опирались на теоретическую рамку, предложенную Мариз Тадрос, в различении социально мотивированного и политически мотивированного сексуального домогательства¹⁵.

Документированные случаи домогательств в ходе политических протестов в Каире включали в себя как социально, так и политически мотивированные преследования, хотя часто бывает трудно провести различие между ними, поскольку трудно иден-

13. *Tadros M. Politically Motivated Sexual Assault and the Law in Violent Transitions: A Case Study from Egypt*//IDS Evidence Report. 2013. № 8. P. 7. URL: <http://opendocs.ids.ac.uk/opendocs/bitstream/handle/123456789/2950/ER8%20final%20online.pdf>.

14. *Hollmeyer-Taylor S. et al. "When She Stands Among Men": Sexual Harassment of Women at Political Protests in Cairo, January 2011 — August 2013* // Al Nakhlah. Online Journal on Southwest Asia and Islamic Civilisation. 10.06.2014. URL: <https://alnakhlah.org/2014/06/10/when-she-stands-among-men-sexual-harassment-of-women-at-political-protests-in-cairo-january-2011-august-2013/>.

15. *Tadros M.* Op. cit.

Рис. 3.

тифицировать преступников в толпе. Политически мотивированные насильственные действия сексуального характера предполагают, по Тадрос¹⁶, следующие закономерности: 1) это происходит на площадях и в общественных местах, связанных с протестами; 2) они совершаются во время протестов и демонстраций; 3) потерпевшие являются активистами обоего пола, но по большей части женщинами; 4) сексуальное насилие используется в сочетании с другими формами насилия; 5) сексуальное насилие реализуется не индивидуально, но группой людей, коллективно нападающих на женщину; 6) режим сексуального насилия поддерживается в течение определенного периода времени.

По мнению Тадрос, социально мотивированное домогательство объясняется

...различными факторами, в том числе индивидуальным желанием власти над женщинами на улице, а также стремлением «хорошо развлечься», чувством сексуального лишения вследствие

16. Ibidem.

экономических факторов, которые делают брак дорогим и цену регулярного секса непомерно высокой¹⁷.

Тадрос ссылается на позицию Каролины Мозер в понимании политически мотивированного домогательства как использующего сексуальное насилие в «сознательном или бессознательном [акте], чтобы получить или сохранить политическую власть. Его формы включают словесные оскорбления, нападения, изнасилования и сексуальные пытки, а также принудительную беременность и принудительные аборты, стерилизацию. И это может быть результатом различного типа конфликтов, партизанской, гибридной войной, в том числе конфликта между политическими партиями», как это произошло во время египетских революций¹⁸.

Согласно Мозер, политическое сексуализированное насилие следует отличать от экономически мотивированного насилия, которое предполагает

...совершение насильственных действий, мотивированных желанием — сознательным или бессознательным — приобретения экономической выгоды, или получения или поддержания экономической власти: они будут проявляться в похищениях и изнасилованиях в ходе экономических преступлений¹⁹.

В отличие от социального насилия, политические силы, которые прибегают к сексуальному насилию, как правило, планируют свое преступление и синхронизируют его использование с другими политическими инициативами и стратегиями, которые направлены на устранение оппозиции. Однако там, где правящий режим прибегает к сексуальному насилию как политически мотивированному средству, гораздо труднее добиваться осуждения преступников правоохранительными органами, поскольку они сами подозреваются в соучастии. В таких случаях требуются коллективная мобилизация правозащитных усилий и медиатизация фактов и свидетельств. Выделяемые Мозер демаркации политического, экономического и социального насилия достаточно условны; скорее, насилие предполагает интерсекциональность, или пересечение политических, экономических и социальных факторов.

17. Ibidem.

18. Moser C. The Gendered Continuum of Violence and Conflict: An Operational Framework // Victims, Perpetrators Or Actors? Gender, Armed Conflict and Political Violence / C. Moser, F. Clark (eds). N.Y.: Zed Books, 2001. P. 7.

19. Ibidem.

Рис. 4.

Тем не менее эта категоризация полезна, поскольку стимулирует анализ мотивов совершения насилия в контексте. Различение политического, экономического и социально мотивированного насилия имеет особо важное значение для понимания феномена коллективного сексуального насилия в ходе египетских революций. Египетский контекст включает в себя насильственные конфликты между теми, кто был у власти и в оппозиции, хотя это нельзя назвать гражданской войной, поскольку сменяемые правительства имели существенный контроль над государственными институтами.

Как отмечают исследователи, во время протестов в Каире наблюдались оба типа домогательств — сексуальное и политическое насилие, причем они были направлены не только на женщин. Мужчины тоже стали жертвами домогательств²⁰. Но в рамках данной статьи мы ограничиваемся только вопросом сексуальных домогательств относительно женщин, поскольку рост числа таких домогательств с января 2011 года в Египте обнаружил контекстуальную связь таких актов с участием женщин в протестной деятельности и их выходом в прежде исключительно мужское пространство толпы на Тахрире. Нам также важно рассмотреть именно женский опыт коллективных домогательств в связи с по-

20. Tadros M. Op. cit.

Рис. 5.

следующим экспортом этой практики в Европу. Исследователи²¹ осуществили мониторинг случаев сексуальных домогательств, совершенных гражданскими лицами в отношении женщин в период с января 2011 года по июнь 2013 года, структурируя наблюдение тремя событиями: 1) 18 дней, которые привели к падению режима Мубарака, или «революция 25 января»; 2) межреволюционный период с февраля 2011 года по июнь 2013 года; 3) третий период массовых протестов с 30 июня 2013 года по 14 августа 2013 года, которые продолжаются и по сегодняшний день в Египте. Первый период был отмечен низким уровнем сексуальных домогательств. Далее, во время межреволюционного периода, он значительно возрос в ходе политических протестов, когда президентом был избран Мухаммед Мурси из партии «Братьев-мусульман», с июня 2011 года по июнь 2013 года. Рост протестов отмечен вновь с 30 июня 2013 года, когда Мурси был свергнут и восстановлено военное правление. Этот третий период также сопровождался многочисленными случаями сексуальных домогательств на демонстрациях.

Чем можно объяснить такую динамику? Прежде всего следует привлечь корпус научной литературы, рассматривающий сексуальные домогательства и роль женщин в политических протестах

21. Hollmeyer-Taylor S. et al. Op. cit.

Рис. 6.

в Египте и в других арабских контекстах, в особенности тематизацию роста сексуального насилия во время социально-политических конфликтов. Существует достаточно объемный корпус литературы о сексуальном насилии в условиях вооруженной борьбы, конфликтов и войн²², однако лишь немногие работы посвящены теме сексуального насилия в политической борьбе, в невоенных условиях переходного периода либо при авторитарных режимах, ведущих борьбу с внутренней оппозицией.

Так, Маргарет Уокер вводит понятие «континуум насилия», нижней планкой которого является нормализованное в обществе домашнее насилие и маргинализация женщин²³. Но когда меняется макроситуация в обществе — происходит слом соци-

22. Gender, War, and Militarism: Feminist Perspectives / L. Sjoberg, S. Via (eds). Santa Barbara: Praeger, 2010; Butler C. et al. Security Forces and Sexual Violence: A Cross-National Analysis of a Principal-Agent Argument // Journal of Peace Research. 2007. Vol. 44. P. 669–687; Wood E. Order, Conflict and Violence. Cambridge: Cambridge University Press, 2008; Solangon S., Patel P. Sexual Violence Against Men in Countries Affected by Armed Conflict // Conflict, Security and Development. 2012. Vol. 12. № 4. P. 417–442; Zinsstag E. Sexual Violence against Women in Armed Conflicts: Standard Responses and New Ideas // Social Policy and Society. 2006. Vol. 5. № 1. P. 137–148; Victims, Perpetrators Or Actors? Gender, Armed Conflict and Political Violence; Jacobs S. et al. States of Conflict: Gender, Violence and Resistance. N.Y.: Zed Books, 2000.
23. Walker M. Gender and Violence in Focus: A Background for Gender Justice in Reparations // Gender of Reparations: Unsettling Sexual Hierarchies while

ального порядка, — насилие эскалирует и превышает пороговые уровни, демонстрируя выход брутального сексуального домогательства в публичное пространство, и тогда групповые изнасилования и изнасилования предметами становятся относительно обычным явлением. Хотя египетские революции в 2011 и 2013 годах не являются примерами вооруженной борьбы, они вскрыли острый социально-политический конфликт в египетском обществе. Поэтому апелляция к континуальности или изменчивости объема насилия в обществе, в том числе сексуализированного, является, на наш взгляд, способом применить известную идею интерсекциональности²⁴ гендерного опыта, этничности и социально-классовых различий. Нормализованность домашнего насилия и характерное для патриархатного общества положение женщин в арабском культурном контексте — слишком статичные и малоэвристичные характеристики для объяснения происходящих изменений.

В работе Элизабет Вуд «Вариации сексуального насилия во время войны»²⁵ также предложено объяснение динамики объема насилия и различий в сексуализированном поведении, но в связи с военными конфликтами и в периоды между ними. Во-первых, в обычных обстоятельствах индивиды преследуют различные интересы, совершая сексуальное насилие: некоторые могут использовать его для достижения сексуального удовлетворения, другие — ради удовлетворения потребности во власти и контроле, а третьи в обыденных обстоятельствах вообще не заинтересованы в сексуальном насилии. Его проявления обычно регулируются различными социальными механизмами, варьирующимися в разных культурах и социальных группах. Приведем в пример нормированное сексуальное межкастовое насилие в Индии, которое чаще совершается в отношении низшей социальной группы далитов. Во-вторых, согласно Вуд, во время конфликта или военного переворота такие механизмы регулирования ослаблены, что приводит к более высокому уровню сексуального насилия. В-третьих, в какой-то степени этот социальный механизм варьируется в зависимости от межгрупповых конфлик-

Redressing Human Rights Violations / R. Rubio-Marín (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 18–62.

24. Crenshaw K. Demarginalizing the Intersection of Race and Sex: A Black Feminist Critique of Antidiscrimination Doctrine, Feminist Theory and Antiracist Politics // The University of Chicago Legal Forum. 1989. Vol. 140. P. 139–167.

25. Wood E. J. Variation in Sexual Violence during War // Politics & Society. 2006. Vol. 34. № 3. P. 307–342.

Рис. 7.

тов. То, что стартует как самосуд, вовлекая все более широкие группы индивидов, может трансформироваться в групповое сексуализированное насилие, как отмечает Хьюго Слим²⁶. Пол Амар в своей работе приводит подачу в СМИ случая сексуального насилия над журналисткой Лорой Логан как пример медийной инструментализации дискурса «бешеной арабской толпы» и ее неконтролируемой сексуальности²⁷, развивая критику эссенциалистской перспективы, и призывает сосредоточиться на анализе действий государственных институций. В этом же русле теоретизирует Тина Дюпюи, отмечая, что площадь Тахрир и египетская революция не уникальны. Дюпюи описывает домогательства и изнасилования протестующих в ходе развития сложного протестного движения *Оссиру* в Соединенных Штатах как примеры попыток дискредитации этого движения²⁸. Кроме того, она приводит вопросы, которые обычно задают в подобном контексте: «Если вы знаете, что вы уязвимы, то почему вы там?» Это классический троп обвинения самой жертвы, который часто упомина-

26. *Slim H. Doing the Killing // Idem. Killing Civilians: Method, Madness and Morality in War. L.: Hurst, 2007.*

27. *Amar P. The Revolution Continues // International Feminist Journal of Politics. 2013. Vol. 15. № 1. P. 94–99.*

28. *Dupuy T. The Occupy Movement's Woman Problem // The Atlantic. 21.11.2011. URL: <http://www.theatlantic.com/politics/archive/2011/11/the-occupy-movements-woman-problem/248831/>.*

ется в литературе о сексуальных домогательствах и нападениях в публичных местах. В культурном контексте, в котором репутация мужчины и семейного клана тесно связаны с понятием чести, подразумевающей нормативно правильное сексуальное поведение принадлежащих к общине женщин, сексуальное насилие является актом обесчещивания противников. Как утверждает Мориз Тадрос со ссылкой на Шаш Фара (*Farah*)²⁹, в этом контексте оно представляет собой высшую форму насилия, которой могут быть подвергнуты индивиды, именно из-за социальной стигмы, связанной с сексуальностью. Сексуальное насилие также призвано унижить не только человека, но и социальную группу, к которой он принадлежит. Посрамление изнасилованн(ого)ой имеет коллективный след, потому что разрушает не только жертву, но и остальную часть общины или группы, которая часто вынуждена присутствовать и наблюдать за процессом³⁰. Эти акты насилия приобретают публичный назидательный характер — демонстрации того, что происходит с мужчинами или женщинами, которые осмеливаются быть политически активными и участвовать в оппозиционной политике. В бинарной логике патриархата сексуальное насилие феминизирует мужчин и обесценивает женщин, то есть опрокидывает гендеризованные иерархии, смещая фокус власти. Так, инциденты с применением насилия против оппозиционных акций протеста часто актуализировали дискурс демаскулинизации мужчин. В ноябре и начале декабря 2012 года, когда были сметены палатки протестующих на площади Тахрир, был использован дискурс поношения, играющий на сюжете нормативной сексуальности. Так, протестующих называли гомосексуалами, которым, согласно принятым в египетском обществе представлениям, не хватает мужественности, а также овцами (в обращении к исламистам)³¹.

Но как же объяснить не экспоненциальный рост сексуального насилия во время египетских революций, а его флуктуацию? Социетальный разрыв в египетском обществе, который привел, как свидетельствует мониторинг уровня сексуального насилия во вре-

29. *Tadros M.* Whose Shame Is It? The Politics of Sexual Assault in Morsi's Egypt // Heinrich Boll Stiftung: The Green Political Foundation. 27.05.2014. URL: <http://www.tn.boell.org/web/122-338.html>.

30. *Zarkov D.* The Body of the Other Man: The Construction of Masculinity, Sexuality, and Ethnicity in the Croatian Media // Victims, Perpetrators or Actors? Gender, Armed Conflict and Political Violence. P. 73; *Zinsstag E.* Op. cit. P. 135.

31. *Tadros M.* Politically Motivated Sexual Assault and the Law in Violent Transitions.

мя протестной деятельности, к созданию временно «безопасного пространства и времени» с низкими показателями насилия, может быть описан в терминах «порогового момента» Виктора Тёрнера: сдвиги в культурном сценарии освобождают участников от нормативных требований. По словам Тёрнера, в этом промежутке между упорядоченными мирами может случиться почти все³². Антрополог Ханья Шолками объясняет изменения во взаимодействии мужчин и женщин в этот период идеями «пороговых пространств». Шолками характеризует те 18 дней как «пороговый момент, в течение которого иерархии и структуры различия были временно приостановлены»³³. Это подтверждается словами одной из протестующих женщин:

Там, где я, как правило, видела различия в зависимости от класса, пола и религии, я видела только принятие и понимание. Впервые в моей жизни мужчины обращались со мной не как с женщиной, а как с гражданкой. Это чувство единства до сих пор не перестает меня поражать. Как будто всех осенило, что они все были египтянами³⁴.

Пытаясь понять, что же заставляет обычных людей совершать экстраординарные акты насилия, Хьюго Слим постулирует правило 80 процентов:

При определенных условиях 80 процентов из нас будут либо не мешать, либо непосредственно участвовать в актах насилия³⁵.

В таких условиях создается общее ощущение, что теперь разрешено осуществлять то, что при нормальных обстоятельствах неприемлемо. В этом ряду нельзя не упомянуть и феминистски настроенных исследовательниц, например таких, как Синтия Энлоу, которая предупреждает о необходимости

...осознавать патриархальные стереотипы, которые минимум век работали на обесценивание, банализацию и/или делегитимиза-

32. Turner V. W. *Dramas, Fields and Metaphors: Symbolic Action in Human Society*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1975.

33. Sholkamy H. *Women Are Also Part of This Revolution // Arab Spring in Egypt* / B. Korany, R. El-Mahdi (eds). Cairo: American University in Cairo Press, 2012. P. 154.

34. Khadiga O. I was Born again on #Jan25. So was Egypt // *Christian Science Monitor*. 16.02.2011. URL: <https://www.csmonitor.com/Commentary/Opinion/2011/0216/I-was-born-again-on-Jan25.-So-was-Egypt>.

35. Slim H. *Op. cit.* P. 214.

цию женщин-активисток с их критикой патриархальных политических систем и движений³⁶.

Используя парадоксальную идею Элизабет Кисслинг о том, что сексуальное насилие является сверхэффективной формой вербальной и невербальной коммуникации³⁷, Энлоу акцентирует тот факт, что телесные характеристики женщин используются против них же, когда они пытаются привлечь других женщин и разбудить их самосознание, и приводит примеры сексуального насилия и домогательств во Вьетнаме, Франции, Польши, Алжире, Эритрее, Никарагуа, Мексике, Нью-Йорке и Чили³⁸. Интересно, что в исследовательском арабском дискурсе отрефлексирована и связь между патриархатной идеологией и инструментализированной мужественностью. Так, Пол Амар со ссылкой на Асму Махфуз пишет, что для мужчин — участников протестных акций на Тахрире — было важно

...показать (доказать) свою честь и мужское достоинство как пришедших на Тахрир 25 января. Если нет, то вы изменник нации, так как полиция и президент являются предателями³⁹.

И вот здесь, кажется, сходятся в контрапункт арабская мужественность, получившая возможность перформативного предъявления на Тахрире, и патриархатно подкрепленная ревность к женщинам-активисткам, которые осмелились разделить с мужчинами чувство гражданственности и ответственности за социальные изменения. То, что в эскалации сексуализированного насилия играла большую роль патриархатная маскулинность, косвенно доказывают и сексуальные домогательства представителей сил безопасности режима Мубарака еще во время протестов 25 мая 2005 года. В докладе о сексуальном насилии и изнасилованиях на площади Тахрир и его окрестностях Магда Адли отмечает:

...силы безопасности очистили путь «отморозкам» Мубарака. Мы не можем забыть слова одного полицейского протестующим

36. Enloe C. Masculinities, Policing, Women and International Politics of Sexual Harassment // *International Feminist Journal of Politics*. 2013. Vol. 15. № 1. P. 78.

37. Kissling E. A. Street Harassment: The Language of Sexual Terrorism // *Discourse and Society*. 1991. Vol. 2. № 4. P. 451–460.

38. Enloe C. Op. cit.

39. Amar P. Turning the Gendered Politics of the Security State Inside Out? Charging the Police with Sexual Harassment in Egypt // *International Feminist Journal of Politics*. 2011. Vol. 13. № 3. P. 301.

женщинам в этот день, которые объясняют использование насилия против них: «Это чтобы вы прекратили принимать участие в демонстрациях вновь»⁴⁰.

Эта цитата обнаруживает прием ранней инструментализации сексуального насилия с целью послать сигнал участницам политических акций протеста и наказать их гендерным способом. В мониторинге еще два инцидента выделены как попытки властей воздействовать на участие женщин. В результате принудительной проверки на «девственность» в отношении задержанных протестующих, требовавших отстранения военных от власти, одна из потерпевших, Самира Ибрагим, подала иск, инициировав официальное судебное дело в защиту чести и достоинства. Тем самым она публично выступила против замалчивания сексуального насилия⁴¹. Кроме этого, в ответ на широко распространенные в медиа изображения молодой женщины, которую полураздетой за ноги тащат солдаты (что привело к появлению мема «девушка в голубом бюстгальтере»), тысячи женщин вышли на улицы в беспрецедентном марше неповиновения и солидарности⁴². Таким образом, женщины — участницы революционных протестов — разделили в полной мере патриархатное наследие институциональной и социальной дискриминации как со стороны общества, так и со стороны силовых структур государства.

Возобновление волны сексуального насилия в отношении протестующих и западных журналисток (Лора Логан и другие) можно рассматривать как виток повторного подъема в континууме насилия, по Маргарет Уокер. Хьюго Слим увязывает это с понятиями удовольствия, власти и принадлежности/связи: насильственный акт — не только как источник садистского удовольствия, он также становится средством создания и укрепления чувства принадлежности или связывания⁴³. Дубравка Зарков утверждает, что в усло-

40. *Adly M.* Foreward // *Sexual Assault and Rape in Tahrir Square and its Vicinity: A Compendium of Sources 2011–2013* / El-Nadeem Center for Rehabilitation of Victims of Violence and Torture, Nazra for Feminist Studies, and New Woman Foundation. February 2013. URL: http://nazra.org/sites/nazra/files/attachments/compilation_of_sexual_violence_testimonies_between_2011_2013_en.pdf.

41. *Frenkel S.* Protesters “Endured Forced Virginity Tests” // *The Times*. 01.06.2011. URL: <http://www.thetimes.co.uk/tto/news/world/middleeast/article3046438.ece>.

42. 10,000 Women March through Cairo to Protest Behavior of Egyptian Soldiers // *New York Daily News*. 20.12.2011. URL: <http://www.nydailynews.com/news/world/10-000-women-march-cairo-protest-behavior-egyptian-soldiers-article-1.994664>.

43. *Slim H.* Op. cit.

виях существования жестких патриархатных механизмов контроля над сексуальностью использование сексуального насилия играет именно на понятиях чистоты-загрязнения, мужественности-женственности и сексуальных норм. Оно имеет своей целью запугивание, потому что «это демонстрирует силу атакующего над слабостью противника, который не смог защитить жертву», и устанавливает тем самым гегемонную мужественность нападавшего⁴⁴.

Особенностью третьего периода (июнь–август 2013 года) стала победа светской оппозиции и поражение партии «Братьев-мусульман». В отличие от предыдущих протестов, теперь их участники принадлежали к двум разным, противостоящим лагерям: светскому направлению анти-Мурси и религиозно-консервативному исламистскому лагерю. Причем если у исламистов не было отмечено случаев сексуальных нападений (но там была введена и гендерная сегрегация — их женщины оставались дома), то в светском лагере между 30 июня и 17 июля на площади Тахрир было зафиксировано по меньшей мере 186 жертв коллективных сексуальных преступлений толпы⁴⁵. Специфика дискурса лагеря исламистов воспроизводит тот же принцип дискредитации оппозиции: при обращении к системе морали и сексуальности педалируется, что противники были не только социально нелегитимными, но и религиозно несостоятельными. В этой критике женщины, которые вышли на акции протеста, были представлены как инакомыслящие, сомнительного морального поведения, сексуально распущенные и, более того, заслуживающие сексуального насилия как наказания. Постепенно образ египетских женщин, которые участвовали в протестах вместе с мужчинами, стремясь освободить страну от диктатуры, заменяется образом благочестивой женщины, которая знает, где ее место, не вмешивается в политику, избегает оказываться в «мужских» местах, где она подвергает себя риску нападения. В декабре 2012 года, когда протестующие собрались на Тахрире, в медиа были распространены сообщения, что в их палатках найдены презервативы, женские противозачаточные средства, алкоголь и продукты питания. С очевидностью общественности были предъявлены свидетельства сексуальной распущенности протестующих, нарушивших религиозные заповеди. В этом жесте сомкнулись дискурсы как режима Мубарака, так и правительства

44. Zarkov D. Op. cit. P. 77–81.

45. Kingsley P. 80 Sexual Assaults in One Day — the Other Story of Tahrir Square // The Guardian. 05.07.2013. URL: <http://www.theguardian.com/world/2013/jul/05/egypt-women-rape-sexual-assault-tahrir-square>.

военных после свержения Мурси, апеллирующие к отклонениям в сексуальности и религиозности протестующих. Так как социальная ценность женщин в арабском контексте заключается в их сексуальной чистоте и целомудрии, исламисты пытались очернить репутацию протестующих как сексуально непристойных, аморальных женщин, которым недостает женственности и религиозного благочестия. Тадрос приводит красноречивый пример этой дискурсивной борьбы: после того как начались массовые изнасилования женщин на площади Тахрир 25 января 2013 года, один из протестных лозунгов звучал так: «Девушки Египта являются красной линией». В ответ на этот лозунг известный проповедник Шейх Абу Ислам высказался на салафитском канале ТВ:

Девушки Египта — не красная линия... эти неприлично одетые женщины, проститутки, собираются там, чтобы быть изнасилованными, девять десятых из них являются *crusadettes* (женщинами-крестоносцами), а у одной из десяти нет мужчины, чтобы руководить ею, они являются вдовами, которым некого уважать, — как вам не стыдно, где ваша женственность? Где женственность, которая связана с религиозным законом?⁴⁶

Приведенная филиппика в некоторой степени разъясняет оправдание политически мотивированного сексуального насилия в отношении протестующих женщин, растиражированное СМИ.

В целом в попытке объяснить динамику сексуального насилия во время протестов в Египте исследователи приходят к выводу, что на макроуровне в египетском обществе созрел протест против патриархальной государственной системы, в которой лояльность государственной власти обменивалась на значительные государственные субсидии на транспорт, питание и образование, а на микроуровне социальный разрыв позволил социальной группе женщин делать выбор за пределами нормативного гендерного поведения, диктуемого старым патриархатным порядком⁴⁷. Фактически египтяне стоят перед дилеммой: государство продолжает требовать соблюдения традиционных семейных норм, одновременно концентрируясь на экономической реформе, а также финансовой эмансипации и ассимиляции женщин в состав рабочей силы. Эти макрофакторы оказывают влияние на арену сексуальных домогательств тем, что подрывают традиционно утверждаемую мужественность

46. Цит. по: *Tadros M. Politically Motivated Sexual Assault and the Law in Violent Transitions: A Case Study from Egypt. P. 18.*

47. *Walker M. U. Op. cit. P. 30.*

безработицей и проблематизацией роли кормильца, экономическими осложнениями перехода к брачному статусу и противоречивыми светско-религиозными моральными нормами.

Заключение

Рассмотренная в статье эскалация и разрывы в практике применения сексуализированного насилия, сопряженного с политической борьбой во время двух египетских революций, прежде всего, на наш взгляд, демонстрируют не эссенциалистскую точку зрения на проблему сексуализированного насилия в арабском контексте. Интерсекциональность гендера, этничности, социальных проблем и кризиса власти, рассмотренные в ряде исследований в режиме мониторинга, свидетельствуют о привнесении политических значений в сексуализированное насилие или об инструментализации сексуального насилия политическими силами в борьбе за власть. Именно в этом контексте складывается практика коллективного сексуального насилия под названием «тахарруш» и его легитимация в дискурсивном пространстве современной арабской культуры. Очевидно, за десятилетие эта практика и напрямую, и косвенно, через дискурсивные легитимации, способствовала маскулинной социализации молодых поколений арабских мужчин. Этот тип маскулинной социализации выстроен на определенных социальных нормах, оправдывающих применение насилия в отношении «преступивших» моральные и религиозные границы женщин, а также сопряжен с перформативностью насильственного потенциала в публичном пространстве. Опыт участия в протестах на Тахрире как символическое достижение гегемонной мужественности позволил компенсировать лакуны мужественности тем, кто испытывал экономическую депривацию вследствие безработицы, и тем самым восстанавливал мужские иерархии. В социологических концепциях маскулинности (Рейвин Коннелл, Джеймс Мессершмидт, Гарри Брод, Кимберли Хатчинг, Джефф Херн и др.) мужское насилие проблематизировано, его актуализация чревата понижением социального статуса и угрозой гражданским свободам⁴⁸. Но, как видно из динамики коллективного насилия в арабском контексте, все больше мужчин втягиваются в парадоксальную ситуацию, когда они ри-

48. Boon K. Heroes, Metanarratives, and the Paradox of Masculinity in Contemporary Western Culture // The Journal of Men's Studies. 2005. Vol. 13. № 3. P. 301–312.

скую стать социальными париями, если участвуют в агрессивных насильственных акциях, но в то же время рискуют быть феминизированными, если избегают такого поведения.

Возможно, в перспективе пересборки феномена тахарруш в ином, уже западном контексте эмиграции объяснением является не только длящаяся экономическая, социальная, психологическая, сексуальная депривация беженцев из арабского мира, но также социализация через прямые и косвенные практики тахарруш. Может быть, имеет смысл принять во внимание и более абстрактные понятия трансгрессии и потенциала насилия для конструкции гегемонной и подчиняющей другие типы мужественности, для которой чрезвычайно затруднен исполнительский сценарий, поскольку в другом культурном поле принимающей страны/Европы конкретные версии гегемонной мужественности фактически строятся на основе двусмысленности, неопределенности и одновременного отказа (соблюдения норм) и собственно насилия (трансгрессии норм и моральных границ). Если умножить эти проблемы в исполнительской маскулинности на задачи реконфигурации групповой или коллективной маскулинности в опыте эмиграции, то эффект представляется весьма непредсказуемым. Сложно ожидать глубоких изменений в канонических и нормативных описаниях мужественности, не сталкиваясь с волнами психической дезорганизации и без сопутствующего переходного культурного возмущения и дестабилизации. Как писал антрополог Стэнли Даймонд, «аккультурация всегда была вопросом завоевания»⁴⁹, процессом, в котором доминирующая культура обеспечивает свою стабильность и иерархическое положение. Для поддержания стабильности центра принимающая культура делает институциональный запрос на принуждение и побеждает. Очевидно, этот аспект аккультурации как институционального насилия актуален для диаспоральной маскулинности, которая реактивирует свой встречный потенциал насилия в месте пересборки или эмиграции, образуя плотную массу. Элиас Канетти писал:

Важнейший процесс, происходящий внутри массы, разрядка. <...> Это миг, когда все принадлежащие к ней отбрасывают различия и чувствуют себя равными. <...> Прочно утвердившиеся иерархии в любой области жизни не позволяют никому дотянуться до более высокого уровня или опуститься на более низкий, разве что чисто внешне. <...> Освободиться от этого со-

49. Diamond S. In Search of the Primitive: A Critique of Civilization. New Brunswick, N.J.: Transaction Books, 1974.

знания дистанции можно лишь сообща. Именно это и происходит в массе. Разрядка позволяет отбросить все различия и почувствовать себя равными. <...> Облегчение от этого огромно. Ради этого счастливого мгновения, когда никто не чувствует себя больше, лучше другого, люди соединяются в массу⁵⁰.

Итак, речь о маскулинной толпе, которая, соединившись в массу беженцев и экономических мигрантов, ищет, помимо своего социального места в неприветливом обществе, также и компенсаторной разрядки. Известный немецкий социолог Армин Нассеи так прокомментировал кризис беженцев и события в Кёльне:

...это эмпирический факт, что многие молодые люди прибывают в Германию, и им нечего делать, что вынуждает к пассивности. Из исследований мы знаем, что большие группы молодых людей, которым нечего делать, производят проблемы, — и это совершенно не зависит от религии и происхождения. Поэтому мы должны дать им возможность что-то сделать. Я имею в виду, что их нужно занять. Но мы не должны закрывать глаза на некоторые проблемы мигрантских сообществ, поскольку имеем дело с сетями, где доминируют мужчины, **как** показали события в Кёльне. Это даже проговорить трудно, поскольку звучит как культурный предрассудок⁵¹.

Сложности артикуляции проблемы коллективных сексуальных домогательств, которые демонстрирует Нассеи, связаны с токсичностью этой темы в публичном европейском/немецком дискурсе. С одной стороны, правые круги не хотят признавать Германию страной иммиграции, несмотря на многие десятилетия регулируемой политики трудовой миграции. С другой стороны, левые круги отрицают саму возможность проговаривания той опасной темы, что иммигранты также порождают социальные проблемы, и предпочитают похоронить эту проблему под флером политкорректности. Общей культуры речи относительно этих проблем пока не выработано, что приводит к востребованности простых объяснений в чрезвычайно сложном мире, поэтому не удивительно, что это сопровождается сдвигом вправо. На наш взгляд, тем более важно, избегая упрощенных эссенциалистских толкований всплеска

50. Канетти Э. Масса и власть / Пер. с нем. Л. Г. Иониной. М.: Астрель, 2012.

51. Soziologe über die Übergriffe in Köln "Die CSU entdeckt die Lügenpresse". Armin Nassehi über patriarchale Netzwerke, salonfähigen Rassismus und eine nach rechts driftende Sehnsucht nach einfachen Antworten // Taz.de. 08.01.2016. URL: <http://www.taz.de/!5263616/>.

коллективного сексуализированного насилия как сводящих к этничности и религиозности, реконструировать его в порождающих контекстах, на сложном динамичном пересечении гендера, этноса, социальной принадлежности, экономики и политики.

Библиография

- 10,000 Women March through Cairo to Protest Behavior of Egyptian Soldiers // New York Daily News. 20.12.2011. URL: <http://nydailynews.com/news/world/10-000-women-march-cairo-protest-behavior-egyptian-soldiers-article-1.994664>.
- Abdelmonem A. Reconceptualizing Sexual Harassment in Egypt: A Longitudinal Assessment of el-Taharrush el-Ginsy in Arabic Online Forums and Anti-Sexual Harassment Activism // Kohl: A Journal for Body and Gender Research. 2015. Vol. 1. № 1. P. 23–41.
- Abdelmonem A., Bavelaar R. E., Wynne-Hughes E., Galán S. The 'Taharrush' Connection: Xenophobia, Islamophobia and Sexual Violence in Germany and Beyond // Closer. An Anthropology of Muslims in Europe. 12.03.2016. URL: <http://religionresearch.org/closer/2016/03/12/the-taharrush-connection-xenophobia-islamophobia-and-sexual-violence-in-germany-and-beyond>.
- Adly M. Foreword // Sexual Assault and Rape in Tahrir Square and its Vicinity: A Compendium of Sources 2011–2013 / El-Nadeem Center for Rehabilitation of Victims of Violence and Torture, Nazra for Feminist Studies, and New Woman Foundation. February 2013. URL: http://nazra.org/sites/nazra/files/attachments/compilation_of_sexual-violence_testimonies_between_2011_2013_en.pdf.
- Amar P. The Revolution Continues // International Feminist Journal of Politics. 2013. Vol. 15. № 1. P. 94–99.
- Amar P. Turning the Gendered Politics of the Security State Inside Out? Charging the Police with Sexual Harassment in Egypt // International Feminist Journal of Politics. 2011. Vol. 13. № 3. P. 299–328.
- Anderson K. E. Sexual Harassment Discourse in Egypt: A Sociolinguistic Analysis. MA thesis. The University of Texas at Austin, 2012.
- Boon K. Heroes, Metanarratives, and the Paradox of Masculinity in Contemporary Western Culture // The Journal of Men's Studies. 2005. Vol. 13. № 3. P. 301–312.
- Butler C., Gluch T., Mitchell N. Security Forces and Sexual Violence: A Cross-National Analysis of a Principal-Agent Argument // Journal of Peace Research. 2007. Vol. 44. P. 669–687.
- Crenshaw K. Demarginalizing the Intersection of Race and Sex: A Black Feminist Critique of Antidiscrimination Doctrine, Feminist Theory and Antiracist Politics // The University of Chicago Legal Forum. 1989. Vol. 140. P. 139–167.
- Diamond S. In Search of the Primitive: A Critique of Civilization. New Brunswick, NJ: Transaction Books, 1974.
- Dupuy T. The Occupy Movement's Woman Problem // The Atlantic. 21.11.2011. URL: <http://theatlantic.com/politics/archive/2011/11/the-occupy-movements-woman-problem/248831/>.
- Enloe C. Masculinities, Policing, Women and International Politics of Sexual Harassment // International Feminist Journal of Politics. 2013. Vol. 15. Iss. 1. P. 77–81.

- Frenkel S. Protesters “Endured Forced Virginity Tests” // *The Times*. 01.06.2011. URL: <http://thetimes.co.uk/tto/news/world/middleeast/article3046438.ece>.
- Gender, War, and Militarism: Feminist Perspectives / L. Sjöberg, S. Via (eds). Santa Barbara: Praeger, 2010.
- Hassan R. M., Shoukry A., Komsan N. A. “Clouds in Egypt’s Sky”: Sexual Harassment: From Verbal Harassment to Rape: A Sociological Study. Cairo: The Egyptian Center for Women’s Rights, 2008.
- Hollmeyer-Taylor S., Tan A., Sloane P., Tiernan V., Mahmood F. “When She Stands Among Men”: Sexual Harassment of Women at Political Protests in Cairo, January 2011 — August 2013 // *Al Nakhlah*. Online Journal on Southwest Asia and Islamic Civilisation. 10.06.2014. URL: <http://alnakhlah.org/2014/06/10/when-she-stands-among-men-sexual-harassment-of-women-at-political-protests-in-cairo-january-2011-august-2013/>.
- Jäger wirft Kölner Polizei gravierende Fehler vor // *Zeit Online*. 11.01.2016. URL: <http://zeit.de/politik/deutschland/2016-01/uebergriffe-koeln-silvesternacht-ralf-jaeger-nrw-innenminister>.
- Khadiga O. I was Born again on #Jan25. So was Egypt // *Christian Science Monitor*. 16.02.2011. URL: <http://csmonitor.com/Commentary/Opinion/2011/0216/I-was-born-again-on-Jan25-So-was-Egypt>.
- Kingsley P. 80 Sexual Assaults in One Day — the Other Story of Tahrir Square // *The Guardian*. 05.07.2013. URL: <http://theguardian.com/world/2013/jul/05/egypt-women-rape-sexual-assault-tahrir-square>.
- Kirollos M. Sexual Violence in Egypt: Myths and Realities // *Jadaliyya*. 16.07.2013. URL: <http://jadaliyya.com/Details/29110>.
- Kissling E. A. Street Harassment: The Language of Sexual Terrorism // *Discourse and Society*. 1991. Vol. 2. № 4. P. 451–460.
- Moser C. The Gendered Continuum of Violence and Conflict: An Operational Framework // *Victims, Perpetrators Or Actors? Gender, Armed Conflict and Political Violence* / C. Moser, F. Clark (eds). N.Y.: Zed Books, 2001.
- Peoples F. M. Street Harassment in Cairo: A Symptom of Disintegrating Social Structures // *The African Anthropologist*. 2008. Vol. 15. № 1–2. P. 1–20.
- Sholkamy H. Women Are Also Part of This Revolution // *Arab Spring in Egypt* / B. Korum, R. El-Mahdi (eds). Cairo: American University in Cairo Press, 2012.
- Slim H. Doing the Killing // *Idem*. *Killing Civilians: Method, Madness and Morality in War*. L.: Hurst, 2007.
- Solangan S., Patel P. Sexual Violence Against Men in Countries Affected by Armed Conflict // *Conflict, Security and Development*. 2012. Vol. 12. № 4. P. 417–442.
- Soziologe über die Übergriffe in Köln “Die CSU entdeckt die Lügenpresse”. Armin Nassehi über patriarchale Netzwerke, salonfähigen Rassismus und eine nach rechts driftende Sehnsucht nach einfachen Antworten // *Taz.de*. 08.01.2016. URL: <http://taz.de/!5263616/>.
- States of Conflict: Gender, Violence and Resistance / S. Jacobs, R. Jacobson, J. Marchbank (eds). N.Y.: Zed Books, 2000.
- Tadros M. Politically Motivated Sexual Assault and the Law in Violent Transitions: A Case Study from Egypt // *IDS Evidence Report*. 2013. № 8. URL: <http://opendocs.ids.ac.uk/opendocs/bitstream/handle/123456789/2950/ER8%20final%20online.pdf>.
- Tadros M. Whose Shame Is It? The Politics of Sexual Assault in Morsi’s Egypt // *Heinrich Boll Stiftung: The Green Political Foundation*. 27.05.2014. URL: <http://tn.boell.org/web/122-338.html>.

- Tomlinson S. German prosecutors dismiss reports that only three of the 73 Cologne New Year sex attack suspects are “refugees” as “total nonsense” — saying most WERE migrants // Daily Mail. 15.02.2016. URL: <http://dailym.ai/1Xt6xjf>.
- Turner V. W. *Dramas, Fields and Metaphors: Symbolic Action in Human Society*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1975.
- Walker M. Gender and Violence in Focus: A Background for Gender Justice in Reparations // *Gender of Reparations: Unsettling Sexual Hierarchies while Redressing Human Rights Violations* / R. Rubio-Marín (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 18–62.
- What is Sexual Harassment // Harassmap. URL: <http://harassmap.org/what-sexual-harassment>.
- Women in Graffiti: A Tribute to the Women of Egypt // Suzee In the City. 07.01.2013. URL: <http://suzeeinthecity.wordpress.com/2013/01/07/women-in-graffiti-a-tribute-to-the-women-of-egypt>.
- Wood E. J. Variation in Sexual Violence during War // *Politics & Society*. 2006. Vol. 34. № 3. P. 307–342.
- Wood E. *Order, Conflict and Violence*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- Zarkov D. The Body of the Other Man: The Construction of Masculinity, Sexuality, and Ethnicity in the Croatian Media // *Victims, Perpetrators or Actors? Gender, Armed Conflict and Political Violence* / C. Moser, F. Clark (eds). N.Y.: Zed Books, 2001.
- Zinsstag E. Sexual Violence against Women in Armed Conflicts: Standard Responses and New Ideas // *Social Policy and Society*. 2006. Vol. 5. № 1. P. 137–148.
- Канетти Э. *Масса и власть*. М.: Астрель, 2012.

THE PHENOMENON OF TAHARRUSH AS COLLECTIVE SEXUAL VIOLENCE

ELENA ROZHDESTVENSKAYA. Professor, Analysis of Social Institutions Department, Faculty of Social Sciences, School of Sociology; Leading Research Fellow, Department of Qualitative Studies of Social Changes, erozhdestvenskaya@hse.ru.

National Research University Higher School of Economics (HSE), 9/11 Myasnitskaya str., 101990 Moscow, Russia.

Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, 24/35 Krzhizhanovskogo str., Bldg 5, 117218 Moscow, Russia.

Keywords: sexualized violence; taharrush; publicity; instrumentalization of violence; struggle for power; west-east.

The article analyses the phenomenon of collective sexual violence which was clearly manifested in Germany and is associated with the influx of refugees and migrants in the last few years. In seeking to explain this phenomenon as the export of gendered forms of violence, the author explores its origins by means of a secondary analysis of monitoring data, tracking the escalation and discontinuities in the practice of applying sexualized violence associated with the political struggle during the two Egyptian revolutions. The conjunction of gender, ethnicity, social problems and the crisis of power that appears in a number of monitoring studies indicates that political values were introduced into sexualized violence or that sexual violence was converted by political forces into an instrument in the struggle for power. The practice of collective sexual violence called taharrush and its legitimization in the discursive space of modern Arabic culture have taken shape in this particular context.

The practice of taharrush has contributed for a decade directly and indirectly (through discursive legitimations) to the masculine socialization of young generations of Arabic men. This type of masculine socialization is built on certain social norms that justify the use of violence against “transgressors” and establish moral and religious boundaries for women, and it is also associated with the potential for performing violent acts in public spaces. The experience of participation in the Tahrir uprising as a symbolic achievement of hegemonic masculinity made it possible for those who were subjected to economic deprivation through unemployment to compensate for the gaps in their masculinity and thereby restore male hierarchies. Reconstruction of the Taharrush phenomenon in the different, more Western context of emigration may be explained not only by the economic, social, psychological, and sexual deprivation of refugees from the Arabic world, but also as a form of socialization through equivalent direct and indirect practices.

DOI: 10.22394/0869-5377-2018-4-157-186

References

- 10,000 Women March through Cairo to Protest Behavior of Egyptian Soldiers. *New York Daily News*, December 20, 2011. Available at: <http://nydailynews.com/news/world/10-000-women-march-cairo-protest-behavior-egyptian-soldiers-article-1.994664>.
- Abdelmonem A. Reconceptualizing Sexual Harassment in Egypt: A Longitudinal Assessment of el-Taharrush el-Ginsy in Arabic Online Forums and Anti-

- Sexual Harassment Activism. *Kohl: A Journal for Body and Gender Research*, 2015, vol. 1, no. 1, pp. 23–41.
- Abdelmonem A., Bavelaar R. E., Wynne-Hughes E., Galán S. The ‘Taharrush’ Connection: Xenophobia, Islamophobia and Sexual Violence in Germany and Beyond. *Closer. An Anthropology of Muslims in Europe*, March 12, 2016. Available at: <http://religionresearch.org/closer/2016/03/12/the-taharrush-connection-xenophobia-islamophobia-and-sexual-violence-in-germany-and-beyond>.
- Adly M. Foreword. *Sexual Assault and Rape in Tahrir Square and its Vicinity: A Compendium of Sources 2011–2013*, El-Nadeem Center for Rehabilitation of Victims of Violence and Torture, Nazra for Feminist Studies, and New Woman Foundation, February 2013. Available at: http://nazra.org/sites/nazra/files/attachments/compilation-_of_sexual-violence_-testimonies_between_2011_2013_en.pdf.
- Amar P. The Revolution Continues. *International Feminist Journal of Politics*, 2013, vol. 15, no. 1, pp. 94–99.
- Amar P. Turning the Gendered Politics of the Security State Inside Out? Charging the Police with Sexual Harassment in Egypt. *International Feminist Journal of Politics*, 2011, vol. 13, no. 3, pp. 299–328.
- Anderson K. E. Sexual Harassment Discourse in Egypt: A Sociolinguistic Analysis. MA thesis. The University of Texas at Austin, 2012.
- Boon K. Heroes, Metanarratives, and the Paradox of Masculinity in Contemporary Western Culture. *The Journal of Men's Studies*, 2005, vol. 13, no. 3, pp. 301–312.
- Butler C., Gluch T., Mitchell N. Security Forces and Sexual Violence: A Cross-National Analysis of a Principal-Agent Argument. *Journal of Peace Research*, 2007, vol. 44, pp. 669–687.
- Canetti E. *Massa i vlast'* [Masse und Macht], Moscow, Astrel', 2012.
- Crenshaw K. Demarginalizing the Intersection of Race and Sex: A Black Feminist Critique of Antidiscrimination Doctrine, Feminist Theory and Antiracist Politics. *The University of Chicago Legal Forum*, 1989, vol. 140, pp. 139–167.
- Diamond S. *In Search of the Primitive: A Critique of Civilization*, New Brunswick, NJ, Transaction Books, 1974.
- Dupuy T. The Occupy Movement's Woman Problem. *The Atlantic*, November 21, 2011. Available at: <http://theatlantic.com/politics/archive/2011/11/the-occupy-movements-woman-problem/248831/>.
- Enloe C. Masculinities, Policing, Women and International Politics of Sexual Harassment. *International Feminist Journal of Politics*, 2013, vol. 15, iss. 1, pp. 77–81.
- Frenkel S. protesters “Endured Forced Virginity Tests”. *The Times*, June 1, 2011. Available at: <http://thetimes.co.uk/tto/news/world/middleeast/article3046438.ece>.
- Gender, War, and Militarism: Feminist Perspectives* (eds L. Sjöberg, S. Via), Santa Barbara: Praeger, 2010.
- Hassan R. M., Shoukry A., Komsan N. A. “Clouds in Egypt's Sky”: *Sexual Harassment: From Verbal Harassment to Rape: A Sociological Study*, Cairo, The Egyptian Center for Women's Rights, 2008.
- Hollmeyer-Taylor S., Tan A., Sloane P., Tiernan V., Mahmood F. “When She Stands Among Men”: Sexual Harassment of Women at Political Protests in Cairo, January 2011 — August 2013. *Al Nakhlah. Online Journal on Southwest Asia and Islamic Civilisation*, June 10, 2014. Available at: <http://alnakhlah>.

- org/2014/06/10/when-she-stands-among-men-sexual-harassment-of-women-at-political-protests-in-cairo-january-2011-august-2013/.
- Jäger wirft Kölner Polizei gravierende Fehler vor. *Zeit Online*, January 11, 2016. Available at: <http://zeit.de/politik/deutschland/2016-01/uebergriffe-koeln-silvesternacht-ralf-jaeger-nrw-innenminister>.
- Khadiga O. I was Born again on #Jan25. So was Egypt. *Christian Science Monitor*, February 16, 2011. Available at: <http://csmonitor.com/Commentary/Opinion/2011/0216/I-was-born-again-on-Jan25.-So-was-Egypt>.
- Kingsley P. 80 Sexual Assaults in One Day — the Other Story of Tahrir Square. *The Guardian*, July 5, 2013. Available at: <http://theguardian.com/world/2013/jul/05/egypt-women-rape-sexual-assault-tahrir-square>.
- Kirollos M. Sexual Violence in Egypt: Myths and Realities. *Jadaliyya*, July 16, 2013. Available at: <http://jadaliyya.com/Details/29110>.
- Kissling E. A. Street Harassment: The Language of Sexual Terrorism. *Discourse and Society*, 1991, vol. 2, no. 4, pp. 451–460.
- Moser C. The Gendered Continuum of Violence and Conflict: An Operational Framework. *Victims, Perpetrators Or Actors? Gender, Armed Conflict and Political Violence* (eds C. Moser, F. Clark), New York, Zed Books, 2001.
- Peoples F. M. Street Harassment in Cairo: A Symptom of Disintegrating Social Structures. *The African Anthropologist*, 2008, vol. 15, no. 1–2, pp. 1–20.
- Sholkamy H. Women Are Also Part of This Revolution. *Arab Spring in Egypt* (eds B. Korany, R. El-Mahdi), Cairo, American University in Cairo Press, 2012.
- Slim H. Doing the Killing. *Killing Civilians: Method, Madness and Morality in War*, London, Hurst, 2007.
- Solanganon S., Patel P. Sexual Violence Against Men in Countries Affected by Armed Conflict. *Conflict, Security and Development*, 2012, vol. 12, no. 4, pp. 417–442.
- Soziologe über die Übergriffe in Köln “Die CSU entdeckt die Lügenpresse”. Armin Nassehi über patriarchale Netzwerke, salonfähigen Rassismus und eine nach rechts driftende Sehnsucht nach einfachen Antworten. *Taz.de*, January 8, 2016. Available at: <http://taz.de/!5263616/>.
- States of Conflict: Gender, Violence and Resistance* (eds S. Jacobs, R. Jacobson, J. Marchbank), New York, Zed Books, 2000.
- Tadros M. Politically Motivated Sexual Assault and the Law in Violent Transitions: A Case Study from Egypt. *IDS Evidence Report*, 2013, no. 8. Available at: <http://opendocs.ids.ac.uk/opendocs/bitstream/handle/123456789/2950/ER8%20final%20online.pdf>.
- Tadros M. Whose Shame Is It? The Politics of Sexual Assault in Morsi’s Egypt. *Heinrich Boll Stiftung: The Green Political Foundation*, May 27, 2014. Available at: <http://tn.boell.org/web/122-338.html>.
- Tomlinson S. German prosecutors dismiss reports that only three of the 73 Cologne New Year sex attack suspects are “refugees” as “total nonsense” — saying most WERE migrants. *Daily Mail*, February 15, 2016. Available at: <http://dailymail.co.uk/1Xt6xjf>.
- Turner V. W. *Dramas, Fields and Metaphors: Symbolic Action in Human Society*, Ithaca, NY, Cornell University Press, 1975.
- Walker M. Gender and Violence in Focus: A Background for Gender Justice in Reparations. *Gender of Reparations: Unsettling Sexual Hierarchies while Redressing Human Rights Violations* (ed. R. Rubio-Marín), Cambridge, Cambridge University Press, 2009, pp. 18–62.

- What is Sexual Harassment. *Harassmap*. Available at: <http://harassmap.org/what-sexual-harassment>.
- Women in Graffiti: A Tribute to the Women of Egypt. *Suzee In the City*, January 7, 2013. Available at: <http://suzeeinthecity.wordpress.com/2013/01/07/women-in-graffiti-a-tribute-to-the-women-of-egypt>.
- Wood E. J. Variation in Sexual Violence during War. *Politics & Society*, 2006, vol. 34, no. 3, pp. 307–342.
- Wood E. *Order, Conflict and Violence*, Cambridge, Cambridge University Press, 2008.
- Zarkov D. The Body of the Other Man: The Construction of Masculinity, Sexuality, and Ethnicity in the Croatian Media. *Victims, Perpetrators or Actors? Gender, Armed Conflict and Political Violence* (eds C. Moser, F. Clark), New York, Zed Books, 2001.
- Zinsstag E. Sexual Violence against Women in Armed Conflicts: Standard Responses and New Ideas. *Social Policy and Society*, 2006, vol. 5, no. 1, pp. 137–148.